

Публикация: [Анатолий Жураковский, священник](#) . «Мы должны все претерпеть ради Христа...»: проповеди, богословские эссе, письмо из ссылки к своей пастве / Сост., авт. биогр. очерка и коммент. П. Г. Проценко. – М., 2008. – С. 275–286.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Свершилось. Какая страшная минута! Какой страшный час! И неужели это действительно было?

Неужели действительно человек поднял руку и убил своего Бога? Неужели действительно маленький человеческий грех, маленькое человеческое безумие стало таким громадным, таким безмерным, выросло до неба и затопило в своей темной пучине Величайшую Святыню мира?

Неужели действительно — когда на земле один только раз на протяжении всей человеческой истории явилась Совершенная Красота, Совершенная Святость и Непорочность, — неужели человек в эту минуту, вместо того чтобы преклониться перед Ней и отдать Ей всю свою жизнь, свою душу, вместо этого поднял руку и Его, Единого

Несравненного, пригвоздил к кресту, издевался над Ним и умертвил Его позорной, страшной смертью? Неужели это возможно? Неужели это действительно было?

Да, это было, это есть, и это будет.

Самое страшное, самое ужасное в том мгновении, которое мы с вами переживаем, — это то, что оно не только мгновение, что оно не только прошлое, но и настоящее, и, должно быть, и будущее. Самое страшное то, что ужас, о котором мы вспоминаем, длится и поныне.

И мы не чужды ему, но каждый из нас в большей или меньшей степени причастен к этому ужасу, этому преступлению и позору. Одни из нас, быть может, сопричастились ему только отдельными мгновениями своей жизни, другие, быть может, отдали ему многие дни, а третьи, может быть, всю жизнь отдали до сегодняшнего дня служению этому ужасу и этому позору.

Когда мы вспоминаем о Голгофском событии, когда вспоминаем о тех, кто окружал Иисуса и на кого прежде всего падает вина за Его смерть и Его страдания, то мы готовы представить себе этих людей какими-то необычайными извергами, единственными в истории человечества, вовсе не похожими на нас. Между нами и ими в нашем сознании существует пропасть. Мы говорим о них и о их преступлении как о чем-то непостижимом и невероятном для нашего сознания. Мы говорим так не только о тех, которые Его распинали и обрекли на смерть, но мы часто говорим или по крайней мере думаем так даже об апостолах.

В самом деле — думаем мы, — если бы мы были там, мы поступили бы иначе, мы бы не разбежались вместе с апостолами, мы бы не отреклись вместе с Петром, мы бы не оставили Его, когда Он изнемогал в предсмертной муке и когда Он умер на кресте.

Так думаем мы, и их дела кажутся нам не только страшными, но и совсем непохожими на нашу жизнь.

А вместе с тем всмотритесь внимательно и спокойно во все подробности Голгофского события.

Вот перед вами ученики. Они испугались, они разбежались, они поколебались. Но кто из нас смеет сказать, что он, видя Того, Кто называет Себя Богом, в этом предельном страшном уничтожении, не поколебался бы в глубине души в истинности Его слов?

Один ученик отрекся, и нам кажется это бесконечно странным. Но, в конце концов, что он сделал? Он сказал только маленькую неправду, он только сказал, что он Христа не знал.

Подумаем о нашей жизни, о нашей ежедневной маленькой лжи. Каждый вспомнит, что он много раз, слишком много и даже не мучаясь, произносил эту маленькую ложь, это отречение и, произнося это, не думал, что он отрекается от Жизни и совершает страшное преступление.

Одно имя Иуды способно повергнуть нас в содрогание, но, в конце концов, разве можем мы свидетельствовать, что его душа, его тайна совсем чужда нашей душе, нашей жизни? Кто из нас может сказать о себе, что он никогда не соблазнился бы, если бы Учитель вел его таким тернистым, таким многоскорбным путем, каким хотел вести учеников Христос? Но разве мы никогда не соблазнились об Иисусе, разве не предавали Его явно и тайно?

Наконец, нам кажется ужасным приговор, произнесенный книжниками. Но ведь и у них было оправдание — ведь они говорили, что лучше умереть одному за благо народа. За ними стояли древность и предания, они считали себя величайшими представителями национальной идеи, а в Нем они видели только бунтовщика, который грозит их миру и миру их народа. Разве мы никогда не произносили в глубине своей души такого оправдания: лучше умереть единому за благо народа? Если мы и неповинны в крови, то, может быть, мы тайно сочувствуем этому, а тем самым и произносим формулу смертного приговора.

Его распинают, Его убивают — наконец, над Ним издевались, — и это, конечно, самое страшное и самое отвратительное из всего того, что сделали по отношению к Нему

люди. Даже тогда, когда Он был бесконечно унижен и осужден на смерть, они нашли в себе достаточно низости, чтобы плевать Ему в лицо и бить по ланитам. Низость дошла до того, что, когда Он пал под крестом, они бросали Ему в лицо свои насмешки и оскорбления. Нам кажется это таким страшным и невозможным, о чем мы не можем ни подумать, ни сказать. Смех человеческий порождается обыкновенно противоречием между слишком высоким и слишком малым. Противоречие, которое видели стоящие у креста, было слишком велико: Тот, Кто назвал Себя Богом, был приговорен к позорной смерти, как преступник.

Они спрашивали, они говорили: «Если Ты Сын Божий — сойди со креста». Разве в нашей душе никогда не возникали такой же вопрос и такая же мысль: «Если Ты Сын Божий — сойди со креста». Разве не рождалась в нашей душе эта страшная бурная мысль в тяжкие минуты нашей жизни?

Какая страшная минута, братья и сестры! Эта минута, которую мы сейчас переживаем, — это не только минута воспоминаний, но это минута Страшного Суда над нашей совестью. В эту минуту невольно проходит перед нашей совестью вся наша жизнь, и мы видим, мы свидетельствуем, что в этой жизни есть, несомненно, такие мгновения, которые связаны с Его смертью, что есть такие мгновения, которые причинили Ему страдание. Мы видим, мы свидетельствуем, что Голгофа и Его смерть были вызваны не каким-нибудь единственным в истории мира движением человеческой ненависти и человеческого греха.

Нет, они были сотканы из бесконечных отступлений и предательств, они были сотканы из тех маленьких грехопадений, которыми мы обычно живем в течение нашей жизни.

И, стоя здесь, перед Его бездыханным телом, преданным за нас, мы не можем не свидетельствовать, что мы — виновники Его смерти, что мы нашими малыми, ничтожными грехами, о которых мы даже не можем вспомнить на исповеди, этими мелкими отступлениями соткали Ему багряную ризу крови, мы виновны в Его страдании, смерти и позоре.

Но если это так, если совесть каждого из нас обличает нас в том, что и мы не без греха, то разве можно жить? Разве можно жить, зная, что своей жизнью, может быть, не единый раз, а много раз, быть может многими мгновениями, ты повинен в Голгофе? Разве можно жить, зная, что своей жизнью ты ведешь на смерть Его — Единого

Чистого, Несравненного, одной капли крови Которого не стоит весь мир?

Разве можно жить с этим сознанием? И где выход, где спасение от этого ужаса, от этой такой страшной мысли, такой недоступной и такой простой и несомненной?

Выход, братья и сестры, — здесь же, спасение в — Нем же. Здесь не только воспоминания, не только суд, но здесь и спасение.

Сегодня, когда я шел в этот храм, когда я прошел совсем маленькое пространство — всего только несколько домов, я встретил много людей. И когда я старался всмотреться в их лица, то я убедился, что эти люди не будут сегодня в церкви, быть может, не будут даже и в Великую Ночь Воскресения. И когда я вошел в храм, еще пустой, и встал возле креста — мне стало страшно от этой пустоты, страшно от мысли о том множестве людей, которые совсем не придут в эти дни в храм, и о том, как мало тех, кто придет к Нему в эти минуты воспоминания о Его смерти.

Мне стало страшно. Но когда я стоял у креста — мысль прорезала мое сердце, — мысль о том, что, может быть, так и нужно. Я вспомнил тот вечер и ту ночь, когда свершилось событие, о котором мы вчера вспоминали. Вспомнил эту маленькую горсточку людей, которая несла Благоуханное Тело, и я думал о том, как бесконечно Он был одинок тогда, так же, как и ныне. И тогда множество людей праздновали свой праздник, весь мир был занят своим делом: одни воевали, другие управляли народами, третьи совершали куплю и продажу, четвертые совершали свои молитвы, как они думали, своему Богу, пятые были полностью заняты домашней жизнью, а Он был одинок, и только несколько человек провожали Его Тело к последнему пределу — погребению.

И в моей душе пронеслись все века, начиная от этого страшного вечера и до этого мгновения. Я подумал о том, что на протяжении всех этих веков Он, вероятно, был так же одинок. Были времена, когда от него отходили, были времена, когда подходили ближе. Были времена, когда служение, которое мы здесь совершаем, обставлялось пышностью, когда во всех храмах были толпы народа и каждый считал своим долгом присутствовать на этом служении. Были времена, когда люди, разодетые в пышные, царственные одежды, приходили и преклоняли колена. Это были времена, когда казалось, что христианство торжествует победу над миром. Но кто знает, быть может, и в эти времена Он был не менее одинок, чем в ту ночь, когда Его провожали к последнему пределу эти женщины и эти люди, не побоявшиеся перенести Его Тело от

креста в пещеру. Может быть, так и нужно, чтобы Он был одиноким. Может быть, в этом — величайшая тайна, непонятная для нас тайна спасения.

Вам, вероятно, приходилось бывать около большого водного пространства. Если вы бросали в воду камни, то вы видели, какие большие круги расходятся по воде от их падения. Тот, кто видит эти круги издали, тот, может быть, не знает, что причиной этих кругов являются камни. Сегодняшнее величайшее событие, которое потрясло всю мировую историю, вызвало в этой истории величайшее движение — все то, что мы называем на протяжении веков добром и красотой, все то, перед чем мы преклоняемся как перед совершенством, — все это находится в связи с Его жизнью, Его смертью, Его именем.

И даже наши враги, которые на своем знамени написали о безумной вражде к Нему, если в их душе осталась хоть тень добра, хоть тень отблеска красоты, если в их душах теплится хоть огонек человечности, то это тот огонек, который они зажгли от огней Великого четверга и Великой пятницы.

И, вспоминая свою жизнь, мы не можем не свидетельствовать, что всем самым прекрасным в нашей жизни, всем самым светлым мы обязаны этим воспоминаниям о Его смерти. Все светлое, все прекрасное, все, чем держится мир, все связано именно с этой минутой, с этим воспоминанием.

Отсюда, братья и сестры, — исход. Из этой роковой, из этой страшной, из этой мучительной неизбежности исход один, и этот исход — здесь, у Его гроба. Если мы повинны в Его муках, в Его страдании и смерти, то вместе с тем только в этой смерти, в этом страдании мы можем найти утешение. Тот маленький грех, с которым мы не можем совладать, этот грех исцеляется только Им, только живым соприкосновением с Его тайной.

Стоя здесь, перед Его бездыханным Телом, углубляясь всей мыслью, всем сердцем в тайну Его страдания, мы переживаем не только муку и тоску по Нему, но вместе с этим переживаем и самое светлое, самое несказанное чудо. Это чудо является живым свидетельством Его силы, и оно совершается в нас самих. Мы чувствуем, как здесь все то, с чем мы пришли, весь этот груз, который мы накопили в себе долгими годами наших прегрешений, все то, что мы впитывали из этого мира, который идет путем ненависти к Нему, — все это здесь, перед Его бездыханным Телом, исчезает, уничтожается само

собой.

И самый темный из нас — тот, кому казалось, что вся его душа обратилась в одну язву от этих грехов, — в несколько мгновений соприкосновения с Ним может стать чистым и незапятнанным. Каждое сердце возрождается от одного прикосновения к Нему, к Его Телу, к Его тайне.

Братья и сестры, будем прикасаться к Нему своими недостойными устами, будем приносить Ему наше покаяние и нашу скорбь и будем просить у Него Единого исцеления. И весь этот день, всю эту ночь и завтра постараемся столько мгновений отдать этому воспоминанию, этой близости, этой тайне, сколько только мы можем. Будем в себя вдыхать этот аромат, идущий от Его Тела, и пусть Он сам совершит в нас то возрождение, которое мы сами не можем в себе совершить, и пусть Он потопит в Своей любви весь мрак, все несовершенство, все страшное, что нас отделяет от Бога, что делает нашу жизнь такой темной и страшной.

Но, братья и сестры, было бы странно и было бы наивно, если бы мы думали, что этих мгновений и часов достаточно. О нет! В этом-то и несовершенство наше, что мы приходим к Нему только в эти дни, что мы помним о Его смерти, о Его страдании только несколько мгновений, когда Церковь напоминает нам об этом и звоном своих колоколов, и множеством бесконечно прекрасных молитв и евангельских чтений, говорящим о тайне Его Смерти и Воскресения.

Братья и сестры, только тогда мы найдем спасение в этой Смерти, если она будет не мгновенным нашим воспоминанием, но если мы с ней свяжем всю нашу жизнь, если мы отдадим ей всю тайну своей жизни и своего сердца.

Надо молиться о том, чтобы мы не забыли этих молитв, надо молиться о том, чтобы образ этой смерти, этого мгновения вырос настолько в нашей душе, чтобы он закрыл собой весь ужас мира, весь хаос бытия, надо молиться о том, чтобы действительно эта тайна покрыла всю полноту нашей жизни.

Братья и сестры, пусть эта минута будет не только минутой обета верности Ему, потому что, в конце концов, этот обет мы уже дали, когда приняли крещение, мы его даем

каждый раз, когда причащаемся, — пусть эта минута будет минутой мольбы к Нему, чтобы Он — Единый Сильный, Единый Святой, Единый Бессмертный — в ответ на то преступление, которое мы совершили и в котором мы повинны, чтобы Он в ответ на это дал бы нам тайну спасения, спас бы нас от нас самих, от нашей тьмы; как Сам знает, как Сам хочет, каким Сам ведает путем привел бы нас к светозарному, блаженному мигу воскресения.

Буди, буди.

17 апреля 1926 г.